РИНЧЭН

Ойратские переводы с китайского

Академику Ананияшу Зайончковскому
к его шестидесятилетию

Один из моих учителей, советский синолог академик В. М. Алексеев в своем предисловии к работе монголиста академика С. А. Козина *Джангариада* отметил, что исторической жизнью монгольского народа, его культурой и его языком ,,наука занимается уже давно, но не всегда как следует''[1]. И если отголоски этого состояния монголоведной науки иногда и проникают в общую печать[2], мы все же уверены, что стремительный рост монголоведения за после-

[1] С. А. Козин *Джангариада. Героическая поэма калмыков. Введение и изучение памятника и перевод торгутской его версии.* Москва — Ленинград 1940, стр. 111.

[2] Меня чрезвычайно поразило высказывание калмыка Давида Кугультинова о том, что калмыки были ,,народом, который до революции не имел своей письменной литературы'' (,,Литературная газета'' № 30/3841/, вторник 11 марта 1958 г., статья *Лиджи Инджиев*). Если древний период калмыцкой или в более широком смысле ойратской письменной литературы неотделим от монгольской, поскольку ойраты — западная ветвь монголов пользовались общемонгольским письмом, то калмыцкая или ойратская письменность, созданная ученым пандитою Хошутским Огторгуйн Далаем в 1648 году положила начало собственно калмыцкой или ойратской письменной литературы почти в те же годы, когда Михаил Агрикола, создавал письменность для финнов. Калмыцкие ученые переводчики внесли значительный вклад в монголо-ойратскую литературу и тем самым подготовили почву для создания собственно калмыцкого или ойратского литературного языка, питавшегося как книжно-литературным монгольским так и устно-литературным калмыцким языком, живущим и по сей день в богатейшем калмыцком народном эпосе, причем уже в первые годы существования собственно калмыцкой или ойратской письменности литературный язык калмыков был настолько разработан плеядой талантливых учеников и сподвижников Дзая-пандиты Огторгуйн Далая, что позволил создать блестящие переводы сложнейших философских, медицинских и других текстов, которые немыслимы у народа, только что создавшего знаки для изображения звуков своей речи. И затем поволжские калмыки были первыми ойратами, получившими возможность пользоваться печатными книгами современного типа на своем родном языке благодаря стараниям просвещенных

военный период в Европе, Азии и Америке и начавшаяся в разных странах публикация памятников монгольской истории и литературы приведут к полному отказу от многих обывательски поверхностных выводов и высказаний.

Общий подъем культуры и просвещения среди монгольских народов, появление монгольских издательств, периодической печати, научных учреждений и кадров научных работников из среды самих монгольских народов уже изменили положение, при котором монголоведение было делом лишь сравнительно узкого круга ученых европейцев. Каждый год теперь пополняет, несмотря на большие потери книг и рукописей, наши собрания памятников монгольской письменности, расширяя тем самым случайные коллекции монгольских и ойратских книг и рукописей ученых учреждений и хранилищ Европы, так долго лежавшие под спудом и мы надеемся, что с ростом монголоведения они будут постепенно введены в научный оборот в ученых публикациях.

Прошло уж более восьмидесяти лет с тех пор, как ученый монголист К. Ф. Голстунский в своей работе о монголо-ойратских законах дал краткую библиографию и перечень переводов Дзая-пандиты на калмыцкий язык[3], но полный текст его библиографии калмыцким письмом *тодо усуг* так и не был издан. Единственный известный нам манускрипт имеется в собраниях монгольских и калмыцких рукописей в Ленинграде. Что касается собраний калмыцких рукописей в Калмыцкой АССР, то повидимому, они все погибли во время войны и культа личности, раз современные калмыки сами пишут о том, что у кал-

---

русских востоковедов, создавших разборный калмыцкий шрифт, отлитый по прекраснейшим образцам калмыцкой национальной каллиграфии, сохранившимся у калмыков Поволжья. Их же собратья — калмыки Синьцзяна только после образования Китайской Народной Республики получили возможность пользоваться печатным станком и как мы видим по их сегодняшним изданиям, их типографский шрифт по красоте и изяществу намного уступает калмыцким шрифтам, созданным русскими востоковедами прошлого века, а современные издания синьцзянских калмыков поражают изобилием орфографических ошибок. В этом сказались века бесправья народа, некогда порабощенного маньчжурскими завоевателями, уничтожавшими последовательно и безжалостно калмыцкую интеллигенцию, когда калмыцкая писменность находилась в забвенье и поддерживалась только самоучками из народа, находясь в полном пренебрежении у дайцинов и гоминдановцев.

О большом интересе калмыков Синьцзяна и Западной Монголии к печатным изданиям, выходившим в России на калмыцком национальном алфавите говорит между прочим и то, что в кибитках — герах ойратских библиографов Монгольской Народной Республики и Синьцзяна в Китайской Народной Республике можно увидеть не только ставшие давно библиографической редкостью книги, некогда изданные в России в прошлом веке, но и номера газеты „Ulān xalimaq", выходившей в первые годы советской власти на калмыцком языке и на калмыцком алфавите Дзая-пандиты Огторгуйн Далая.

[3] К. Ф. Голстунский, *Монголо-ойратские звконы 1640 года, дополнительные указы Галдан-хунтайджи и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондукдаши*. СПб. 1880, стр. 121—130.

мыков не было письменной литературы. В библиотеке монгольской Академии наук мы имеем монгольский извод этой биографии, поступивший из библиотеки Дзая-пандиты Лубсанпринлая Халхаского в монастыре Дзайн-гегенов—Дзайн хуре, на месте которого ныне стоит город Цецерлик, центр Арахангайского аймака Монгольской Народной Республики.

Дзая-пандита Лубсанпринлай Халхаский был высокообразованным для своего времени человеком и по его приказанию для его личной библиотеки были созданы переводы многих весьма известных китайских романов — Роман о Троецарствии[4] и др. а также новелл *Цзиньгу цигуань*, котроые мне удалось издать в 1959 году в организованной мною серии памятников монгольской письменности[5].

Дзая-пандита Лубсанпринлай Халхаский велел своему писцу также переложить на монгольское письмо текст калмыцкой биографии Дзая-пандиты Ойратского, которого монголисты и тибетанисты часто путают в своих работах с Дзая-пандитой Лубсанпринлаем Халхаским.

Писец Дзая-пандиты Лубсанпринлая Халхаского — восточный монгол, судя по его почерку южанин, транскрибируя монгольским письмом калмыцкий текст биографии Дзая-пандиты Огторгуйн Далая в некоторых случаях неправильно читал калмыцкий текст, упустив из виду то

---

[4] В государственном архиве МНР сохранился любопытный документ — строгое предписание писцу Рабданбалдару из хошуна князя Урджинджапа — явиться немедленно в Угру в ставку председателя сейма Тушетуханского аймака для перевода на монгольский язык с маньчжурского романа *Илан гуруни битхе*, т.е. *Романа о Троецарствии*. Документ датирован 38 годом правления маньчжурского императора Цянь-луна — 1773 г. и таким образом, мы можем считать, что Дзая-пандита был первым заказчиком переводов известных китайских романов на монгольский язык в Северной Монголии, имевшим в своей библиотеке специально приглашенного из Южной Монголии знатока китайского и монгольского языков. Большая часть этих переводов находится в библиотеке Монгольской Академии Наук.

[5] *Corpus Scriptorum Mongolorum*, t. XI, Ulanbator 1959. В этой серии мною были сданы в печать следующие тома в 1959 году: т. I, IV, V, VI, VII, VIII, IX, X, XI, XII, XIV. Часть из сданных в печать томов вышла в том же 1959 году, другие же появились только в течение 1960—1961 года, когда я уже не имел отношения к издательской деятельности. Тома II и III этой серии были резервированы мною для монгольского толкового словаря из 36 цзюаней, готовившегося к изданию еще в середине двадцатых годов Монгольской Академей литературы (Mongγol Arad Ulus-un Sudur Bičig-ün Küriyeleng). Словарь этот дает толкования к пятиязычному словарю изданному в Пекине в 1957 году Издательством Национальностей Китая. Проф. Дамдинсурун, подписавший в 1960—1961 гг. сигнальные экземпляры сданных мною в печать томов этой серии и начавший с XV тома свои добавления по ошибке пустил в резервированный для толкового словаря II том монгольские тексты *Сказок волшебного мертвеца*, которые должны были бы составить часть XV тома *Corpus Scriptorum Mongolorum*

обстоятельство, что основоположник калмыцкого алфавита полифонические знаки общемонгольского письма строго различал в созданном им калмыцком письме, в котором каждому звуку соответствует только один знак.

Для монголиста, владеющего и общемонгольским и калмыцким письмом эти характерные описки писца, знавшего только монгольскую письменность бросаются в глаза и доказывают, что монгольский текст восходит к калмыцкому оригиналу. Мимоходом можно здесь отметить, что и для калмыцких писцов, не изучавших специально монгольскую письменность полифонические знаки общемонгольского письма читаются так же, как калмык в своем монофоническом письме читает эти знаки, получившие только одно значение. Это обстоятельство позволило нам, между прочим, при издании некоторых частей калмыцких версии *Гесериады* в вышеназванной серии *Corpus Scriptorum Mongolorum* точно определить, что калмыцкие изводы *Гесериады* являются только переложением письменных монгольских версии *Гесериады*, факт важный для истории монгольских и калымцких версии этой знаменитой эпопеи, первый перевод которой, как мы это знаем теперь, был сделан монгольскими учеными ламами по заказу Номчи-хатун и частично издан впоследствии в Пекине ксилографическим способом без указания ни имен переводчиков, ни лица, которое поручило перевести книгу с тибетского. Этот монгольский текст благодаря переводу Шмидта стал широко известен европейским монголистам но только теперь, после издания версии Номчи-хатун мы знаем его историю.

Биография Дзая-пандиты Огторгуйн Далая, переложенная на монгольское письмо много лет ждала в фондах библиотеки Академии Наук Монголии своего ввода в научный оборот и я счел нужным и своевременным издание этого единственного нам доступного текста, столь ценного для историков монгольской и калмыцкой литератур. Но летом 1962 года научный сотрудник Института Языка и Литературы Монгольской Академии Наук Цоло нашел в Западной Монголии среди дзахачинов старую ойратскую рукопись этой биографии, которая по сличении с изданным нами монгольском текстом оказалась идентичной и позволила установить не только правильное чтение описок монгольского писца, но и установить пропуск некоторых слов, повидимому им неразобранных.

Цоло нашел также у хранителя этой ойратской рукописи и подлинную шапку Дзая-пандиты Огторгуйн Далая Ойратского, подбитую лисьим мехом и хранившуюся как драгоценная реликвия ойратства.

Вышеупомянутая работа Голстунского и опубликованная нами биография Дзая-пандиты Огторгуйн Далая дают нам представление о большом размахе переводческой деятельности этого выдающегося деятеля ойратов и облегчают нам розыски его переводов.

Некоторые коллекции калмыцких рукописей имеются в разных ученых книгохранилищах Европы. Вышедший в 1961 году первый том *Verzeichnis der orientalischen Handschriften in Deutschland*, Band I, Walter Heissig, *Mongolische Handschriften, Blockdrucke, Landkarten.* Franz Steiner Verlag. Wiesbaden, 1961 дает нам представление о калмыцких рукописях и книгах, имеющихся в Германии

и позволяет нам думать, что наибольшими собраниями калмыцких рукописей обладает Германия.

По мнению академика С. А. Козина распространение ойратской письменности Дзая-пандиты Огторгуйн Далая Хошутского ,,ограничилось, однако, лишь пределами Ойратского союза, включая сюда и Приволжский каганат, не будучи принято ни одним из восточномонгольских племен''[6]. С одной стороны это говорит о прочных, многовековых традициях письменности у восточномонгольских племен, которая делала для них ненужным применение дзаяпандитовского алфавита, созданной на основе монгольского алфавита, но устранив нарочитую полифоничность его знаков, специально предзначенную для обслуживания многих диалектов, тем самым калмыцкая письменность потерала общемонгольский характер, превратившись в частную, обслуживавшую только нужды ойратских говоров письменность. И все же мне приходилось встречать монгольские рукописи прошлого века, в которых в некоторой степени отразилось влияние ,,ясного'' письма — *тодо усуг* Дзая-пандиты Огторгуйн Далая Хошутского. В этих, виденных мною рукописях буквы *d* и *t*, имеющие в общемонгольском общее написание различались так же как и в калмыцком а знак γ имел как и в алфавите Огторгуйн Далая маленький кружок вместо двоеточия в монгольском. Двоеточие же, служившее в монгольском диакритическим знакам для отличия γ от *q* в этих рукописях XVIII и XIX веков употреблялось как и в калмыцком письме для знака χ. Знак *u* в этих рукописях имел ту же косую черточку к кружку, как и в калмыцком алфавите. Я усматриваю в этом некоторое влияние ойратской письменности, по крайней мере, у части восточных монголов, соседивших с ойратскими кочевьями и знавших ойратское письмо.

С другой стороны мы имеем достаточно данных, подтверждающих интерес монгольских книголюбов к ойратским книгам на стыке монгольских и ойратских кочевий на западе. Так, мы находим и по сей день в частных библиотеках арат в Южногобийском, Гоби-алтайском и Хубсугульском аймаках Монгольской Народной Республики ойратские рукописи.

Довольно много ойратских рукописей хранилось также и в библиотеках знаменитого монгольского монастыря Эрдени Дзу на Орхоне. Автору этих строк довелось видеть некоторые из них в Эрдени Дзу в 1928 году. Среди них были медицинские трактаты, астрологические сочинения, сонники, гадательные книжки, воскурения Гесеру и седельным торокам, молитвы богине огня Эл-галайхан-эке и буддийские сутры, написанные прекрасным каллиграфическим почерком.

Никто из монастырских библиотекарей в Эрдени Дзу не пользовался ими и не помнил о их происхождении. Не существовало и каталога монгольских и ойратских книг, хранившихся в библиотеке этого старейшего в Северной Монголии монастыря. Были ойратские рукописи и в монастыре Дзайн-гегенов — Дзайн хуре,

---

[6] С. А. Козин, там же, стр. 12.

где существовал особый храм Галдан Дзу, по преданию связанный со знаменитым вождем ойратства Галдан Бошукту. Все эти уникальные рукописи погибли для науки в конце тридцатых годов нашего столетия.

Небольшое число ойратских рукописей имеется в библиотеке уланбаторского монастыря Гандантекченлинг. Среди них следует особо отметить великолепный манускрипт XVII века — шедевр калмыцкого письма тростниковым каламом — перевод знаменитого произведения Дзонкапы *Ламринченпо — Степени пути к совершенству*, сделанный самим Дзая-пандитою Огторгуйн Далаем. Перевод этот отличается несколько своей терминологией от прочих монгольских переводов этого произведения.

Ойратские переводы с тибетского, сделанные после изобретения Дзая-пандитой Огторгуйн Далаем калмыцкого письма всегда несколько отличаются от монгольских переводов тех же сочинений своей терминологией. В этом можно усмотреть стремление создателя калмыцкой буддийской литературы создать свою ойратскую философскую терминологию, не всегда следующую общемонгольской. Это можно легко заметить при сравнении переводов самого Дзая-пандиты сделанных на общемонгольском литературном языке с переводами тех же книг сделанных им на ойратском. Из этого можно заключить, что в кругах монгольских читателей, авторов и переводчиков существовала прочная традиция и твердо установившаяся терминология, нарушить которую в своих монгольских переводах не смел и сам Дзая-пандита Огторгуйн Далай, несмотря на свой авторитет ученого и проповедника буддизма. Но когда им был составлен особый алфавит, предназначенный только для обслуживания нужд одних ойратов и стала создаваться на его основе ойратская или калмыцкая философская литература, то ее основоположник, пользовавшийся среди ойратства непререкаемым авторитетом и имевший плеяду талантливых и трудолюбивых учеников, взрощенных его неустанными заботами и с величайшим пиететом относившихся ко всем указаниям своего наставника и создателя их ойратской письменности, ничто и никто не могли помешать Дзая-пандите внести в монгольскую философскую терминологию на ойратском, им самым созданном литературном языке, те изменения и улучшения, которые он считал нужным. И эти инновации проводились в ойратской национальной уже теперь письменности с величайшей последовательностью. Ни один из высочайших авторитетов восточных монголов не мог возразить против нововведений Дзая-пандиты Огторгуйн Далая в области терминологии без того, чтобы оскорбить национальное чувство ойратов, с восхищением и воодушевлением принявших дар своего великого Пандиты ойратству — общенациональную письменность всех ойратов.

Библиотека Монгольской Академии Наук в своих собраниях ойратских книг и рукописей также обладает одной рукописью этого перевода Дзая-пандиты, но далеко уступающей по красоте письма редкостному манускрипту Гандантекченлинга.

Библиотека Монгольской Академии Наук обладает также уникальной монгольской рукописью старейшего монгольского перевода *Ламринченпо*, сохранившей

все особенности орфографии доклассического периода, которую я надеялся издать в серии *Corpus Scriptorum Mongolorum* вместе с гандантекченлингским ойратским переводом Дзая-пандиты Огторгуйн Далая для исследователей истории монгольского литературного языка, но не успел. Покойный советский ученый, монголист, тибетанист и санскритолог проф. др. Рерих был в свое время чрезвычайно заинтересован этими уникальными манускриптами и подготовкой их к публикации.

Старый монгольский перевод хранился в семье Тушету-ханов как фамильная драгоценность и был сделан на помин души одного из представителей ханского рода, как об этом говорит колофон. Будем надеяться, что когда нибудь этот столь важный для истории монгольского языка текст будет введен в научный обиход.

Несколько лет тому назад библиотеке Гандантекченлинга удалось разыскать среди ойратов Западной Монголии уникальные грамоты эпохи ойратского завоевания Тибета, данные Далай-ламой, Панчен-эрдени и оракулом Нейчун-чойджуном ойратам. Я собираюсь опубликовать их с переводом. Они написаны на тибетском и калмыцком языках — тибетский скорописным тибетским письмом и калмыцкий — ойратским письмом Дзая-пандиты Огторгуйн Далая искусным каллиграфом на кусках желтого шелка. В начале и конце каждой грамоты изображены несколько божеств буддийского пантеона и приложены печати квадратного письма *пакспа* великих лам, давших эти грамоты.

Грамоты эти прекрасной сохранности и представляют собой свитки, верхние концы которых потемнели от кизячного дыма в кибитках — герах и носят следы жертвенных возлияний и брызг кумысом.

Библиотеке Гандантекченлинга удалось также достать сохраненную аратами саблю Дугар-дзайсана, известного в старой Монголии как легендарный победитель тигра людоеда. Почти по всей Северной Монголии в кибитках — герах скотоводов можно было видеть картины монгольских народных умельцев и статуэтки из дерева, которые в неповторимой монгольской манере монгольских мастеров представляли, как этот легендарный герой, оказавшийся историческим лицом времени ойратского завоевания Тибета, соскочив с грозного гривистого самца верблюда и повесив на его горб свой лук и колчан со стрелами, хватает тигра за уши и переламывает ему хребет, придавив могучей ногой яростно извивающегося хищника.

Старики, некогда бывавшие в Тибете рассказывали бывало, что в Лхассе в храме государственного оракула Тибета хранятся штаны Дугар-дзайсана, которые он снял с себя и впихнул оракула в штанину, когда тот в трансе впал в неистовство при виде ойратских воинов, случайно присутствовавших при обряде призывания гениев хранителей веры. С тех пор, рассказывает предание, штаны Дугар-дзайсана хранятся в храме оракула и когда он в трансе начинает бушевать, ему кричат:

— А в храме еще есть штаны Дугар-дзайсана! И оракул сразу смиряет — так велик был страх перед грозным ойратским богатырем!

Язык трех вышеуказанных грамот, выданных высокими иерархами желтой

церкви Дзонкапы, представляет точный перевод с тибетского и поэтому приближается по стилю к языку обширной буддийской литературы на ойратском, созданной в поразительно краткий срок автором калмыцкого алфавита и плеядой его учеников, энергичных и воодушевленных примером своего учителя, пользовавшегося такой любовью и уважением народа.

Но книгопечатание с деревянных досок, столь распространенное некогда в Монголии почти не привилось у ойратов. Нам известно всего восемь или девять ойратских ксилографов, причем подавляющее большинство их относится к доманьчжурскому периоду. Сравнение монгольских ксилографов с ойратскими наглядно показывает высокую культуру книгопечатания у восточных монголов и разработанность специального рисунка шрифта, хорошо приспособленного для вырезывания на печатных досках, в то время как ойратские ксилографы много грубее по технике резьбы и рисунок букв ничем не отличается от обычного письма от руки, при котором не выработывалось красивых и четких форм печатного шрифта.

Мне кажется, что крушение ойратской государственности, маньчжурское завоевание и политика Дайцинских императоров отрицательно сказались на дальнейшем развитии ойратской письменности. Массовое уничтожение всех культурных ценностей ойратов, гибель наиболее значительных книжных собраний, истребление маньчжурскими завоевателями ойратских интеллектуалов нанесли страшный урон культуре ойратов. В боях с маньчжурскими завоевателями а затем и под мечом маньчжурских палачей сложили свои головы все ойратские меценаты и книголюбы, делавшие заказы на переводы с тибетского тех или иных произведений.

Устные предания дурбетов Убсанурского аймака повествуют о том, как спасаясь поспешным бегством от преследований маньчжурских войск в зимнюю стужу в безлесной степи люди из статуй будд, которые они везли с собою делали треножники для котлов и жгли книги, чтобы развести огонь и сварить горячую пищу. Спасавшиеся от маньчжур беглецы, поклонившись своим чтимым статуям, ставили их спинами к огню, чтобы положить на их головы котлы. Впоследствие эти статуи, спасшие жизнь беженцам были очищены от копоти, освящены и помещены в храмы. Одна из таких чтимых статуй дурбетов не так давно поступила в уланбаторский монастырь Гандантекченлинг, в котором есть также одна из святынь калмыков, при уходе части калмыцкого народа в 1771 году с берегов Волги делившая все трудности этого переселения народа.

Маньчжурские императоры из политических соображений поощряли ксилографические издания у восточных монголов и печатали за императорский счет такие многотомные собрания как монгольский *Ганджур* и *Данджур*, в то время как ойратская писменность лишившись своих меценатов и ревнителей стала лишь частным делом отдельных книголюбов, которые не имели средств и возможности создавать печатни. За все время маньчжурского государства мы почти не встречали ойратских печатных книг. И только после падения маньчжурской Дайцинской династии и провозглашения независимости Северной Монголии ойраты ее западной части сделали попытку печатания с резных досок. Стараниями последнего хана

дурбетов, носившего титул Тегюс Кюлюк Далай-хана в его ставке были вырезаны доски для печатания чрезвычайно популярного среди монголов и ойратов сочинения *Ārya vajracchedikā prajnapāramita nāma mahāyana sutra* по калмыцки *Xutuqtu biligiyin činadu kürüqsen tasuluqči očir kemekü yeke kölgöni sudur orosibo*, переведенной на калмыцкий язык Дзая-пандитой Огторгуйн Далаем по просьбе Дара-эке и других (Dāra eke terigüülen oloni duraduqsan-du), как об этом свидетельствует колофон этой сутры. Мне удалось получить два экземпляра этого ойратского ксилографа в 1928 году от последней инкарнации этой Дара-эке (богини Tāra) добродушной женщины, вручившей мне эти книги с голубым шарфом благопожеланий — хадаком и словами: Эта сутра была переведена по моей просьбе старым святителем! Печатные доски этого ойратского издания погибли в конце тридцатых годов.

Эдвард Гонзе в своем переводе этой сутры упоминает еще об одном калмыцком ксилографе, доски которого были вырезаны повелением торгутского князя в китайском Туркестане[7].

Но монголистам мало или почти неизвестно о существовании у ойратов переводов с китайского. Отчасти это объясняется тем, что калмыцкие книги в Европе, в том числе и ленинградские небольшие коллекции, собранные в основном старыми русскими монголистами были приобретены главным образом у европейских калмыков а не у азиатских в Джунгарии и Монголии. Между тем в 1927 году во время моих занятий монгольским фолклором мне неоднократно приходилось слышать от ойратских монахов из Западной Монголии, изучавших философию в уланбаторском монастыре Гандантекченлинге эпизоды чрезвычайно популярного в старой Монголии китайского романа *Си юй цзи* (монг. Baraγun eteged ǰorčiγsan bičig), известного в нескольких прекрасных переводах, один из которых был сделан монгольским литератором и военачальником в Синьцзяне во время его службы в маньчжурских гарнизонах этого края.

Мои информаторы — ойратские монахи единогласно утверждали, что этот роман имеется и на ойратском языке в библиотеке дурбетского хана Тегюс Кюлюк Далая в Уланкоме. Летом 1928 года мне довелось видеть эту книгу в ханской библиотеке. Это была рукопись письмом Дзая-пандиты Огторгуйн Да-

---

[7] Edward Conze, *Vajracchedikā prajñāpāramitā*. Série Orientale, Rome 1957, p. 18. *Verzeichnis der orientalischen Handschriften in Deutschland* (издаваемый др-ом Вольфгангом Фойгтом), Band I. *Mongolische Handschriften, Blockdrucke, Landkarten* beschrieben von Walther Heissig, Wiesbaden 1961 на стр. 150 под числом 254 упоминает фрагменты ксилографического калмыцкого издания этой сутры. Там же под числом 253 на стр. 150 в колофоне рукописи этой сутры мы читаем, что она была в 1742 году издана ксилографическим способом по приказанию Галданцэринванбо. Проф. Хайссиг это сообщение переводит как: „... Auf Befehl des Spendeherren der Gelben Lehre Galdan cering wang", etc., т. е. передает *ванбо* — тиб. *dban-po* в имени Галданцэринванбо — тиб. *Dga'-ldan che-rin dban-po* как маньчжуро-китайский титул *ван* 'король', тогда как мы имеем в данном случае не княжеский титул а часть собственного сложного имени.

л а я формата буддийских калмыцких сутр. По словам ханских библиотекарей это была фамильная драгоценность ханской семьи и чуть ли не единственная *tüüke* переведенная с китайского на ойратский.

Перелистывая эту старую ойратскую рукопись прекрасной сохранности на языке столь отличном от стиля переводных с тибетского буддийских калмыцких сутр я нашел в ней все эпизоды, слышанные в Уланбаторе от ойратских монахов и убедился в правдивости их сообщений.

В ханской библиотеке мне довелось видеть также несколько гадательных книг переведенных с китайского, причем меня поразил их разговорный язык и написание китайских имен и терминов, свидетельствовавшие о их записи на слух со слов китайца ойратским писцом, не владевшим китайским и незнакомым с монгольской так прекрасно разработанной транскрипцией китайских иероглифов. Мне показалось, что и переводчик также не владел монгольским литературным языком, но достаточно знал живую калмыцкую речь. Диктуя ойратскому писцу текст, переводчик не мог отшлифовать свой переказ частично стихотворного и ритмического языка китайского подлинника и вынужден был передавать его смысл короткими монгольскими предложениями, в которых заметно ощущалась некоторая скованность переводчика с недостаточным для такого пересказа запасом калмыцких слов.

Мою догадку подтвердили и ханские библиотекари, сообщившие, что эти гадательные книги, согласно устной традиции старцев некогда были записаны из уст ученого китайца *сяньшена*, пересказывавшего книжний китайский текст писцу ойрату.

Одна из этих книг — объемистый дебтер в синей матерчатой оболожке была снабжена иллюстрациями, сделанными ойратским писцом с китайского оригинала, но хранившими своеобразную манеру письма монгольских иконописцев, несмотря на максимальное стремление к точной передаче оригинала, с которого они воспроизводились.

Каждая страница этой книги содержала иллюстрацию к подписанному под ней тексту гадания (*tölgen*), повествовавщего о древних китайских императорах и министрах, временщиках и мудрых и преданных долгу или вероломных и властолюбивых персонажах китайской истории.

Ойратские ханы некогда гадали по ней о государственных и личных делах, открывая наугад книгу и толкуя текст, представший перед ними. И я вспомнил о хранящейся в библиотеке тогдашней нашей Академии литературы (*Sudur bičig-ün küriyeleng*) гадательной книжке Д а м б и д ж а н ц а н а или сокращено Д ж а-б о г д о, ойратского ламы, родом из калмыков Поволжья, игравшего в Западной Монголии такую роль, что Народному правительству пришлось в первые годы народной революции отправлять специальную экспедицию для ликвидации его посягательств на ханство в Западной Монголии.

Д а м б и д ж а н ц а н хранил эту гадательную книжку, малограмотно переписанную кистью безвестного монгольского писца, возможно калмыка и иллюстри-

рованную персонажами китайской истории и мифологии, как книгу откровений, указавшую ему право на ханский престол в Монголии[8].

В библиотеке Тегюс Кюлюк Далай-хана было еще несколько книжечек, также переведенных с китайского — гадание по монетам чохам, книга по физиогномистике, в которой описывалось каким характером должен обладать человек с теми или иными чертами лица, а также рассказывалось о способе гадания и определении судьбы человека по линиям ладони и т. п.

В тридцатых годах, во время конфискации имущества феодалов мне еще раз привелось встретиться уже в Уланбаторе с книгами из библиотеки Тегюс Кюлюк Далай-хана, поступившими в тогдашнюю Академию литературы. И перелистывая книги, которые я видел в совершенно иной обстановке я снова почувствовал практические интересы ойратских ханов книголюбов, несмотря на все старания Дзая-пандиты Огторгуйн Далая всю жизнь боровшегося с древней, языческой в его глазах верой — шаманством ойрат и сжигавшего *онгоны* — изображения предков и книги шаманских гимнов и обрядов в их честь, остававшихся все теми же шаманистами в душе, несмотря на принятие буддизма. Их занимали не философия Конфуция, которая так давно была известна у их восточных братьев еще в Юаньскую эпоху в прекрасных переводах, не увлекательные и столь популярные у восточных монголов китайские романы, вместо которых они имели певцов сказителей монголо-ойратского героического эпоса и объемистые дебтеры, содержавшие записки этих былин калмыцким алфавитом Дзая-пандиты Огтогруйн Далая, хранившиеся не только в фамильных библиотеках членов аристократического рода Чорос, но и в каждой удельной канцелярии хошунов — знамен ханов Тегюс Кюлюка и Сайн Дзаяту. Многие степные книголюбы монахи и миряне хранили в потемневших от дыма длинных деревянных футлярах или в обертках из старинных еще минских времен шелков эти сокровища своей калмыцко-ойратской народной литературы и *tüüke* исторические хроники о тех или иных родах Четырех Ойратов.

Степных ойратских книголюбов, несмотря на внешнее принятие буддизма живших древнеми своими шаманскими воззрениями на мир, интересовало прежде всего — что человеку надо знать о болезнях и немочах, которые могут на него напасть и средствах избавления от них. Отсюда переводы тибетских медицинских сочинений и собрания магических приемов — *дом*, которыми можно изгнать немочь, напущенную злыми духами; как надо отбирать на племя скот, который дает пищу и одежду человеку. Отсюда книжки о конских статьях, о конском экстерьере и выборе племенных жеребят, лучшие из которых должны стать племенными жеребцами, отцами и хранителями косяков, о верблюдах и отборе верблюжат на племя, о крупном рогатом скоте, который должен давать густое и жирное молоко, об овцах с густой и теплой шерстью, которая идет на войлока для разборных жи-

[8] О Дамбиджанцане в свое время рассказывал немецкий путешественник Герман Констен, лично видевшийся с ним в первом десятилетии нашего века. См. его книгу *Weideplätze der Mongolen. Im Reiche der Chalcha*, Berlin 1919.

лищ, дающих овчины на тулупы, в которых не страшна пурга в степи и коз, которые в стаде овец ведут их а шкуры идут на теплые дохи, надеваемые сверх овчинных тулупов, мясо же весной после того, как они попасутся и вдосталь насытятся первыми цветами монгольской весны — анемонами так целебно для человека соками цветов, укрепляющих тело и устраняющих все признаки скорбута. Скот же так же подвержен болезни — отсюда лечебники болезней скота, в которых накоплен тысячелетний опыт скотовода номада по распознаванию, предупреждению и лечению болезней скота, а там, где человек бессилен травами, кровопусканиями, припарками и иными наружными и внутренними средствами побороть болезни напасти в стаде — там могут помочь, по представлению шаманиста и *дом* для скота — магические приемы, которые отгонят злых духов и позволят при откочевке здоровых стад на дальние места не пустить злую болезнь на другие стада. Что нужно знать о неизвестном будущем и неизвестных, может быть коварных и злых намерениях людей — отсюда переводы астрологических и гадательных книг с языков народов, с которыми имели общение ойраты — тибетского и затем китайского, знатоки которого были редки в кочевой калмыцкой степи. Эти астрологические и гадательные книги в повседневной жизни номада шаманиста в душе, несмотря на то, что в его юрте на северной почетной стороне хранятся изображения будд и буддийские сутры *ном*, заменившие изображения изгнанных Дзая-пандитой Огторгуйн Далаем языческих шаманских гениев хранителей очага, нужны были как справочники для выбора счастливых дней и благоприятных для кочевий мест, для определения удачливого момента при выступлении в поход или набег, наконец для того, чтобы узнать, как задобрить или привлечь на свою сторону тех или иных грозных и злых духов, населявших по древним шаманским воззрениям верхний, средний и нижние отделы трехмирья и так по человечески падких на лесть и задабривание, обидчивых и несправедливых в своем гневе, но отходчивых и добрых, если суметь во время им сделать приятное, принести умилостивительные жертвы и смягчить их сердца магическими словами звучных заклинаний и затем что нужно знать доброму буддисту из учения Дзонкапы, так усердно проповедывавшегося знаменитым Дзая-пандитою Огторгуйн Далаем Ойратским и его учениками на родном калмыцком языке, учении, которое номадами ойратами воспринималось столь своеобразно сквозь призму их древнего шаманского мировоззрения, прикрытого лишь обрядами буддийской церкви, страшившей непослушных ранее неизвестными шаманству восемнадцатью отделениями ужасного ада, находявшегося где то, повидимому, в нижнем отделе старого шаманского трехмирия монголов, обитатели которого всегда были так опасны человеку, жителю среднего мира.

Вот почему из обширной и столь распространенной в многочисленных монгольских переводах один лучше другого собраний китайских народных романов и новелл только *Си юй цзи* — роман о путешествии на Запад в далекую Индию танского монаха Сюань-цзана удостоился перевода на калмыцкий язык, как художественное произведение кисти буддийского китайского писателя, столь образно в глазах ойратских книголюбов повествующего на тему так известного им

по блестящему переводу Дзая-пандиты Огторгуйн Далая на калмыцкий язык произведения Дзвонкапы *Степени пути к просветлению*. Приключения героя этого романа — монаха Сюнь-цзана, известного монголам и ойратам под именем Тансан-ламы или Тансан-бакши — учителя Тансана ойратские читатели воспринимали как аллегорические описание жизни человека, стремящегося к просветлению, а фантастические существа — демоны и оборотни, встречаются на каждом шагу трудного пути Тансана понимались как олицетворение страстей, мешающих человеку на его пути к достижению просветления — Бодхи.

Ученик Тансан-ламы, царь обезьян Сунь, обладающий магической силой перевоплощений, которого учитель подчиняет своей воле и сдерживает его необузданные порывы, могущие быть страшными по последствиям из за силы Суня, только заклинанием, сжимающим золотой обруч на голове царя обезьян ойратские книголюбы считали олицетворением человеческой мысли, могучей и мятущейся, которую может содерживать и направлять к цели только обруч сильной воли.

К сожалению ойратская версия *Си юй цзи* вместе с остальными переводными с китайского калмыцкими рукописями ханской библиотеки и многими другими уникальными манускриптами семнадцатого века — всего целый сундук книг сразу же по поступлении с оказией из Улангома в тогдашнюю монгольскую Академию литературы в Уланбаторе был взят одним высокопоставленным тогда лицом для просмотра и вместе с ним в 1938 году отошел в небытие, так что мне несмотря на все мои попытки не удалось разыскать следов этого сундука книг на калмыцком языке, составлявших почти треть прибывших из Улангома книг Тегюс Кюлюк Далай-хана.

Просматривая года три тому назад ойратский фонд библиотеки Монгольской Академии Наук, в основном состоящий только из книг, поступивших из фамильной библиотеки Тегюс Кюлюк Чорос Далай-хана я нашел между сутрами маленький, случайно оторвавшийся кусочек страницы ойратского извода *Си юй цзи* и тысячи воспоминаний о редких рукописях, которые мне пришлось видеть во время моих странствий фольклориста по родной, большой и широкой степной земле монгольской всплыли в памяти и я живо вспомнил книжку академика И. Ю. Крачковского *Над арабскими рукописями*. Может быть и мне удастся как нибудь выкроить время и лучами воспоминаний *laternae magicae* памяти фольклориста и литературоведа воздать должное теням отошедших монгольских книголюбов.

Я не мог в свое время сличить текст ойратского извода *Си юй цзи* с монгольскими переводами. Очень возможно, что калмыцкая версия этого романа восходит к прекрасному монгольскому переводу, некогда сделанному в Синьцзяне и переложенному джунгарскими калмыками с монгольского на ойратский, потому что я и сейчас помню, что язык калмыцкой версии поразительно напоминал язык замечательных по стилю литературных монгольских переводов с китайского и был очень далек от своеобразного языка переводной с тибетского буддийской калмыцкой литературы. Подобные переложения с монгольского на ойратский нам уже из-

вестны по ойратским версиям сказаний о Гесере, некоторую часть которых я уже опубликовал в *Corpus Scriptorum Mongolorum*[9].

О существовании ойратских переводов с китайского нет никаких почти известий в работах монголоведов и поэтому я решил написать эти строки, чтобы оставить для исследователей калмыцкой, как называют на западе ойратскую письменность, литературы свидетельство монголиста, который видел подобные переводы, некогда существовавшие в фондах рукописей ойратской литературы, столь мало изученной нами. Может быть впоследствии, подобные переводы будут найдены в книжных собраниях ойрат Синьцзяна и Кукунора учеными собирателями, которые выйдут из их среды.

О том, как много памятников ойратской литературы, в целом почти только рукописной гибло еще в нашем веке свидетельствуют многие факты, которые слишком известны, чтобы их упоминать. Судя по высказыванию калмыка Давида

---

[9] *Corpus Scriptorum Mongolorum*, t. IX, fasciculus 1, Ulanbator 1959. Спеша издать эти столь важные для историков монгольской литературы тексты я не имел времени снабдить их научной аппаратурой: индексами и примечаниями и т. п. Мне нужно было сдать в печать намеченный мною минимум в течение одного года и он оказался почти максимумом на некоторый отрезок времени, причем я не успел продвинуть в печать еще две три уникальных и важных для истории языка и литературы рукописи, которые, конечно, должны занять свое место не только на книжных полках уникальных манускриптов нашей академической библиотеки но и на полках всех монголистов филологов мира.

Еще неопубликованными остались несколько глав *Гесера*, найденного мною в сороковых годах и переданного в библиотеку Монгольского государственного университета.

Библиотека нашей академии обладает некоторыми также главами *Гесера* калмыцким же письмом, но не все эти калмыцкие изводы мне удалось включить в выше указанный том по той причине, что единственный переписчик калмыцкого текста, которого мне удалось спешно обучить письму и чтению на алфавите Дзая-пандиты Огторгуйн Далая — ныне покойный Чимед был работником государственного архива и мне удалось получить его только на один месяц для переписки калмыцких версий *Гесериады* на фольгу для ротапринта. Изданные тексты представляют то, что он смог переписать за месяц.

Ойратские изводы *Гересиады* изобилуют характерными ошибками калмыцкого писца, читавшего монгольский текст согласно правилам ойратского письма, что и позволило нам безошибочно установить происхождение их от письменно-монгольских а не устных версий *Гесера*, что мы, например, имеем в версиях *Гесера* у добайкальских бурят, не имевших своей письменности и потому внесших в них многое из своего героического эпоса при устном пересказе текста, имевшего вначале книжное происхождение.

Мой покойный учитель Б. Я. Владимирцов отмечал в свое время „неистовую неграмотность" ойратских рукописей позднейшего периода — результат уничтожения маньчжурами ойратской интеллигенции и традиций ойратской письменности, угасших вместе с ее истребленными носителями. Следы этого регресса еще не преодолены и поныне, как это можно судить по ойратским печатным изданиям в современном Синьцзяне, орфография которых желает лучшего.

Кугультинова из ойратских рукописей калмыков Поволжья мы можем считать, сохранились в основном только ленинградские и немецкие собрания.

Во время моего посещения Кукухото, в библиотеках этого центра Южной Монголии я не видел ойратских рукописей, но частные библиотеки ойратов Синьцзяна и Кукунора, вероятно, хранят много интересного для историков монгольской и ойратской литературы и будут когда нибудь собраны исследователями. Старики торгуты из Западной Монголии рассказывали мне в 1959 году, что часть библиотеки карашарского хана торгутов была зарыта в Синьцзяне в одном яру во время событий, вызванных падением маньчжурской династии Дайцинов. Мне называли несколько исторических хроник, которые были в числе книг, зарытых в этом яру. Много ойратских рукописей, в том числе и исторических погибло у ойратов Западной Монголии в годы культа личности и мне рассказывали ойратские старцы, что многие книголюбы ожидая неминуемой репрессии передавали свои рукописи и исторические хроники *tüüke* тем, кто по их мнению мог уцелеть, те в свою очередь передавали их другим лицам, когда чувствовали, что приближается их черед с просьбой сохранить для будущих поколений рукописи пережившие крушение ойратского государства под ударами маньчжуров, но *habent sua fata libelli*, несмотря на это книги погибли, будучи сожжены, или унесены в горы теми, кто не смел их дольше держать у себя. И все же старики араты, последние носители традиций ойратской письменности еще сохранили кое что из старых рукописных книг, которые теперь начинают понемножечку собирать местные музеи в Убсанурском, Кобдоском и Баин-ульгийском аймаках.

Я собираюсь опубликовать описание ойратских рукописей и книг библиотеки нашей Академии Наук. Научные работники нашего Института Языка и Литературы во время своих исследовательских поездок продолжают открывать новые ойратские рукописи и даже отдельные ойратские ксилографы, сообщения о которых мы надеемся опубликовать в ближайшее время.

Во время моих поездок мне пришлось видеть металлическую статуэтку Дзая-пандиты Огторгуйн Далая и записать обряды и обычаи, которые были связаны с этой статуэткой, поражающей стремлением скульптора придать ей портретное сходство. В монастыре, где некогда эта статуэтка хранилась, она помещалась в главном храме Цокчин-дуган, но в канун монгольского лунного нового года она торжественно переносилась в *гер*, деревянные части которого действительно принадлежали самому Дзая-пандите при его жизни. При переносе в *гер* впереди маленькой процесии шел трубач, который трубил в белую раковину, затем статуэтку помещали на северной стороне юрты, там, где просветитель ойратов обычно сидел и утром нового года все обитатели монастыря являлись чтобы возложить перед статуэткой приветственный голубой шарф благопожеланий, получить благословение, как это было при жизни пандиты и отведать чая и кушаний, как это делалось при его жизни. Я собираюсь написать статью об этом обычае, свидетельствующем о том, как народ хранил память об ученом давшем ему письменность.